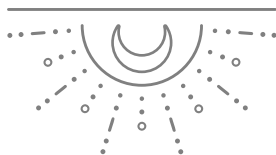

Оглавление

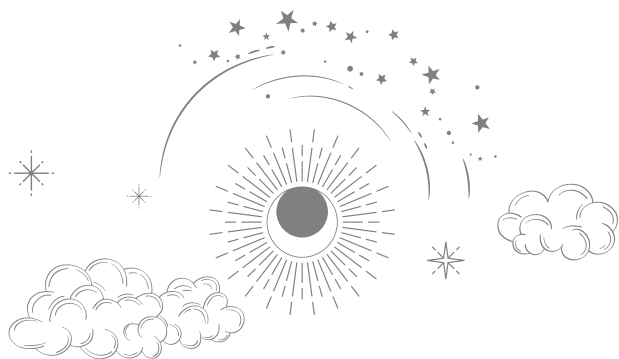
ЧАСТЬ I	5	Глава двадцатая	214
Глава первая	7	Глава двадцать первая	225
Глава вторая	18	Глава двадцать вторая	234
Глава третья	29	Глава двадцать третья	248
Глава четвертая	40	Глава двадцать четвертая	256
Глава пятая	53	Глава двадцать пятая	264
Глава шестая	65		
Глава седьмая	74	ЧАСТЬ III	279
Глава восьмая	83	Глава двадцать шестая	281
Глава девятая	92	Глава двадцать седьмая	292
		Глава двадцать восьмая	302
ЧАСТЬ II	103	Глава двадцать девятая	309
Глава десятая	105	Глава тридцатая	320
Глава одиннадцатая	118	Глава тридцать первая	329
Глава двенадцатая	129	Глава тридцать вторая	339
Глава тринадцатая	140	Глава тридцать третья	351
Глава четырнадцатая	156	Глава тридцать четвертая	360
Глава пятнадцатая	170	Глава тридцать пятая	369
Глава шестнадцатая	179		
Глава семнадцатая	188	Благодарности	378
Глава восемнадцатая	199	Об авторе	381
Глава девятнадцатая	206		

Всем, кто — би-бип — любит библиотеки

Глава первая

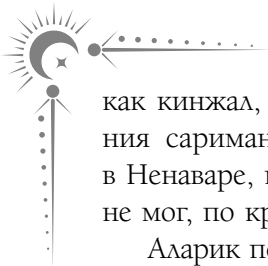
Легкий ветерок, вестник оттепели в Высокогорье, пронесся над бесплодными равнинами, со свистом влетел в одинокое окно личных покоев регента, окунулся в густые клубы магии тени, переползающие с камня на камень, и растворился в них вместе с дневным светом, что теплился лишь в одном уголке, где в ореоле солнечных лучей лежал сари-ман, пригвожденный к столу руками в кожаных перчатках.

Птица судорожно билась, тщетно вырываясь из хватки трех пленителей. Из кривого золотистого клюва вырывался жалобный щебет. А когда к столу шагнул, ступив из тьмы в поле обнудения, четвертый заклинатель и сверкнуло холодом стальное жало шприца, глаза пленника сделались круглыми, как монеты.

Судя по виду, заклинатели Гахериса страдали не меньше саримана. Не так-то легко чувствовать, как утекает твоя магия, как в душе, на том месте, где полагается быть эфиру, вдруг возникает пустота. Дыра. Даже стоящий поодаль, на безопасном расстоянии, у отцовского трона Аларик ощутил, как по венам поползли мурашки от глубинных воспоминаний, настолько острых, что пальцы в латных перчатках дрогнули от жгучего желания открыть Врата Теней, просто чтобы проверить, получится ли.

— Проклятая тварь не умолкает ни на секунду. Поет без конца, когда не спит, — ворчание со стороны островерхого,

как кинжал, трона пробилось сквозь мелодичные подвывания саримана. — Даже если за все время, проведенное в Ненаваре, не узнал, как использовать эту пташку, ты что, не мог, по крайней мере, научиться затыкать ей клюв?

Аларик подумал об усиливающем контуре, круте из проводов и стеклометаллических сосудов, выложенном на мраморных плитках Купола Небес. О жидких ядрах рубиновой крови, подвешенных в сапфировой магии дождя.

И покачал головой.

— Зачем я вообще спрашивал? — Горькое разочарование на лице Гахериса, иссеченном морщинами и шрамами, было слишком уж явным. — Ты отправился на юго-восток и ничего не выяснил. Какой же от тебя толк, император?

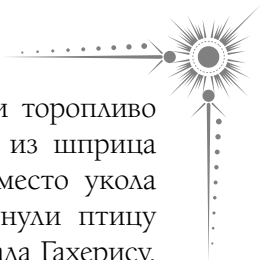
Игла вошла в яремную вену птицы, и трели саримана сделались еще пронзительнее. Словно горстью железных гвоздей провели по фарфору, только в семь раз громче и в десять — противнее. У Аларика аж заныло под ложечкой, но он не подал вида. Нельзя было показывать, как на него воздействует этот звук. Только не перед Гахерисом.

Регент выглядел так, будто постарел на десять лет за десять дней, что прошли с того момента, как имперская делегация Кесатха вернулась из Ненавара и командор Матхир принесла ему птицу. Регент похудел, осунулся; глубокие тени легли на морщинистую кожу под серыми, такими же, как у самого Аларика, глазами.

— Отец, если пение птицы мешает вам уснуть, — отважился высказаться Аларик, осведомленный о том, что Гахерис повсюду таскает саримана с собой, — может, ему лучше остаться здесь, а вы пока отдохнете?

— Чтобы каждая болтливая судомойка и каждый тупой подручный конюха в Цитадели судачил о бесценном преимуществе, которым мы завладели? — Гахерис стукнул по подлокотнику своего трона, и щупальца окружавшей его тени взвились еще выше, подпитываемые гневом регента. Его паранойей. — Ты несешь чушь, разглагольствуя о моем здоровье, в то время как нам следовало бы обсудить твою жену.

Напуганные вспышкой регента заклинатели торопливо завершили работу: перелили кровь саримана из шприца в пузырек, закупорили склянку, обработали место укола обеззараживающим травяным средством, вернули птицу в узорчатую медную клетку, поклонились: сначала Гахерису, затем Аларику — и быстро покинули покои. Так быстро, будто Врата Теней дышали им в затылки.

— Послушай, сын, — пророкотал Гахерис, едва они с Алариком остались наедине, — после Безлунной Тьмы магия Ткача Света послужит своей цели. И не нужно будет больше притворяться, что у нас мир с Ненаваром. Один быстрый удар — и мы вернем острова в лоно Империи Ночи. Поэтому, как только вы с женой остановите Пусто-пропасть, ты доставишь девку сюда — под предлогом того, что в вашем брачном договоре значится ее обязанность время от времени устраивать приемы в Цитадели.

— А что, если к этому времени вы не найдете способа лишить ее магии?

— Остается еще сариман, который удержит ее в узде.

— Вы хотите сделать из нее заложницу, — глухо произнес Аларик.

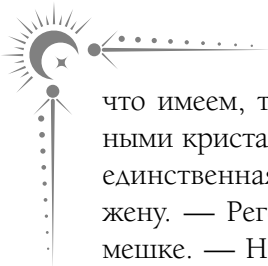
— Ненаварцы станут куда сговорчивее, зная, что их лэхис'ка в нашей власти, не так ли? — Гахерис улыбнулся, мрачно растянув тонкие и сухие, точно пергамент, губы. — А если нет, что ж, тогда мы напомним, как их драконы бились с нашими пустотными пушками.

Жуткие картины пронеслись в голове Аларика. Таласин, лишившаяся Светополотна. Драконы, падающие с небес. Их гниющие трупы, тонущие в Вечном море. Тень, ложащаяся на Доминион. Кесатхские штормовики, превращающие гордую тысячелетнюю цивилизацию в руины — как поступили со всеми сардовийскими государствами.

— Мы ранили одного дракона, а их сотни, — выдавил Аларик слова, отдающие желчью. — Я не уверен, что наши пустотные заряды сумеют...

— Предоставь это мне и моим заклинателям, — фыркнул Гахерис. — Даже если мы используем при штурме все,

что имеем, там найдутся другие — со свеженькими эфирными кристаллами и прочими сокровищами Ненавара. Твоя единственная задача, император, — это привести сюда жену. — Регент сделал паузу, и губы его скривились в усмешке. — Не волнуйся. Живой от нее больше пользы, чем от мертвой, да и я куда лучше смогу выносить ее присутствие, когда она перестанет быть Ткачом Света. Я не убью ее. — Последующие слова так и сочлились презрением: — Я бы не поступил так с тобой.

— Именно вы настаивали на женитьбе, — ответил Аларик, стараясь не выказывать эмоций. И нерешительности. — Она ничего для меня не значит.

— Надеюсь, — сухо уронил Гахерис. — Она выросла на Континенте. Сражалась за Сардовию. Там у них тесные связи, так что ей *нельзя* доверять.

Аларик всегда это знал. Но услышать, как это говорит отец... В груди что-то оборвалось, и он промолчал, терпя боль.

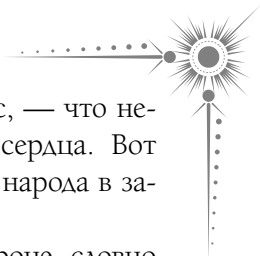
— Когда через несколько дней она прибудет на коронацию, — продолжил Гахерис, — держи ее под замком. Мы не можем допустить, чтобы она рыскала тут повсюду и узнала о недавних беспорядках. Передай генералам, чтобы ни звука, или их языки прибьют к городским воротам.

«Недавние беспорядки», как выразился Гахерис, заключались в череде восстаний в ряде городов на территории бывшего Союза. Пока Аларик пребывал в Ненаваре, регент тушил все эти пожары, и отсутствие сына, несомненно, только усилило его раздражение. Впрочем, это были локальные бунты — слишком разрозненные и мелкие, чтобы перерасти во что-то серьезное.

— Ткач Света не станет рисковать миром из-за нескольких подпольщиков, — возразил Аларик. — Она понимает, что стоит на кону.

Разрыв должен выплеснуться меньше чем через четыре месяца, сея повсюду смерть. Единственным способом остановить его было слияние света и тени. Таласин обещала сотрудничество. Она не станет...

— Ты как-то говорил мне, — сказал Гахерис, — что неразумно рисковать будущим из-за женского сердца. Вот я и не собираюсь ставить безопасность нашего народа в зависимость от столь капризной вещицы.

Аларик вздохнул, а Гахерис как-то осел на троне, словно на него вдруг навалилась тяжесть собственного заявления. В этот миг между ними словно протянулась нить, тугая связь минувших лет. Отец и сын были соединены ею неразрывно.

— Вспомни свою мать, — пробормотал Гахерис. — Вспомни, как она бросила нас, когда дела пошли скверно. Когда то, чего она хотела, перестало совпадать с тем, что требовалось Кесатху, чтобы выжить.

«Я все равно буду работать с тобой, — сказала Таласин там, на крыше. Глаза ее горели. — Но тебе никогда не убедить меня, что Империя Ночи спасла Сардовию от самой себя... Какой бы лучший, как говоришь, мир ты ни построил, он всегда будет стоять на костях».

— Да, — хрипло выдавил Аларик. — Я помню.

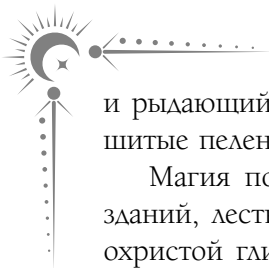
— Хорошо. Во время предстоящего визита твоя жена должна постоянно находиться в поле зрения легиона, — предупредил Гахерис. — Уж она-то не упустит возможности помочь мятежникам. В этом я уверен.

Белианский хребет, вечные горы Доминиона Ненавар, нес на своих скалистых плечах начало сезона дождей. Серо-стальные тучи, отягощенные обещанием ливней, нависали над голубовато-зелеными джунглями, покрывавшими величавые пики. Но от самой высокой вершины к пепельным небесам тянулся гигантский столб золотого света, пробивший тучи, наполнивший туманный воздух на многие мили вокруг громовым звоном стеклянного колокола.

В центре лучистой колонны, среди золотого света и пульсирующей энергии, стояла женщина. Ослепительное сияние искажало ее черты, но две вещи виделись совершенно отчетливо: глиняные бусины, украшающие гладкий лоб,

и рыдающий младенец на руках, завернутый в богато расшитые пеленки.

Магия полыхнула и сфокусировалась, явив очертания зданий, лестниц, мостов, сотворенных из растрескавшейся охристой глины, теснящихся друг к другу, образуя иссохший город, парящий над Великой Степью — морем высокой травы и кустов крольчатника.

Женщина спустилась по глинобитной тропе, пройдя незамеченной сквозь безразличную толпу, крепко прижимая ребенка к груди. Остановившись перед зданием, таким же унылым, серовато-желтым, будто подернутым ржавчиной, как и все здесь, она положила младенца на ступеньки крыльца.

— Все будет хорошо, — прошептала она, поглаживая чадо по голове. — Ты должна быть сильной, Алюнсина.

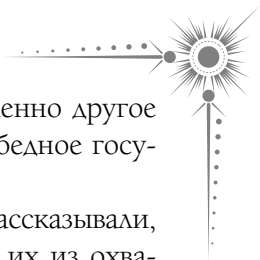
Таласин подалась вперед, вглядываясь в лицо женщины, но сцена была сплетена из эфира и памяти и сразу исчезла вместе со Светополотном, а Таласин отшатнулась от фонтана из песчаника, больше не окатываемого волнами ее связующей магии. Ударившись мягким местом о каменистую землю, она вскрикнула и грубо выругалась от боли, пронзившей бедро и спину. Ругательство сопровождалось зигзагом молнии, высветившей сучковатые кривые верхушки деревьев-стариков, раскатом грома и хлынувшим дождем.

Со стоном девушка поднялась на ноги. Струи текли по ее заплетенным в косу волосам, капли попадали в глаза, а Таласин все пыталась понять, что же она видела. Что показал ей эфир.

Это был день, когда ее оставили у сиротского приюта в глинобитном городе Туканова Голова. Та женщина... бусы на лбу говорили о том, что она служанка ненаварского двора. Слова, произнесенные ею, Таласин уже слышала во сне, в дупле дерева-старика.

Индуза. Так звали няньку, которая должна была сопровождать Таласин к Островам Зари, чтобы переждать гражданскую войну в Ненаваре в безопасности — с народом матери Таласин.

Однако Индуза доставила Таласин в совершенно другое место. На северо-запад, к Континенту, в самое бедное государство Сардовийского Союза.

Почему? Может, они заблудились? Таласин рассказывали, что на борт воздушного судна, которое унесло их из охваченной гражданской войной столицы Доминиона, поднялись также двое королевских гвардейцев — так где же они в этом воспоминании? И почему Индуза оставила наследнику Драконьего Престола в столь запустелом месте?

Таласин устала на сухой фонтан в центре заросшего двора Белианского святилища, отчаянно желая, чтобы Просвет вновь заструился из рожков-драконов, чтобы она могла ухватиться за новую ниточку в загадочном гобелене своего прошлого. Но фонтан безмолвствовал, только капли дождя пятнали светлый камень.

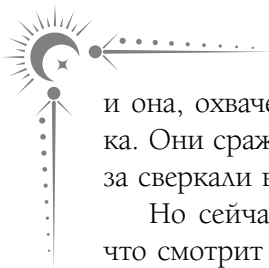
После того как флотилия Аларика исчезла в небесах Доминиона, Таласин, подождав пару дней, отправилась в святилище Ткачей Света, наслаждаясь новообретенной свободой, которую завоевала наперекор Ураде. Она провела здесь почти неделю, занимаясь эфиромантией, исследованиями и отправляя обеспокоенных отцовских почтовых орлов обратно в Эскаю. Место силы разрядилось впервые с момента ее прибытия, и казалось маловероятным, что до отъезда Таласин удастся повторить опыт. Это расстраивало.

По крайней мере, Просвет показал ей что-то полезное — вместо всех тех воспоминаний, от которых она тщетно пыталась избавиться в часы бодрствования. Смутные образы и фантомные ощущения ее брачной ночи, жадные губы на обнаженной коже, отброшенная одежда, румянец, заливающий бледную шею, хриплый голос во мраке спальни, сильные руки, поднимающие ее выше, прижимающие крепче...

За спиной хрустнула ветка.

Таласин резко обернулась. Несколько месяцев назад уже случилось нечто подобное — кто-то подкрался к ней, пока она смотрела на фонтан, под покровом позднего вечера,

и она, охваченная слепящей яростью, бросилась на Аларика. Они сражались, свет против тени, и его серебряные глаза сверкали в эфирных искрах.

Но сейчас император Ночи в Кесатхе. А тот мужчина, что смотрит на нее в данный момент с почтительного расстояния, — это Янмэ Рапат, офицер пограничного патруля, задержавший ее и Аларика, когда она впервые вошла в эти развалины.

Кажется, с тех пор прошла уже целая жизнь.

Рapat отсалютовал. С золоченых цветов лотоса на его медной кирасе стекали струйки дождя.

— Ваша светлость. — Он осекся и исправился: — Ваше величество.

По спине Таласин побежали мурашки, но она отмахнулась от невысказанных извинений:

— Я была лахис'кой до того, как стала императрицей Ночи.

А что, она уже императрица? Строго говоря, муж должен сначала короновать ее, не так ли?

Ее муж. О боги. Думать *так* об Аларике Оссинасте...

— А еще до того вы были моей пленницей. — В голосе капитана звучало раскаяние. — Я искренне...

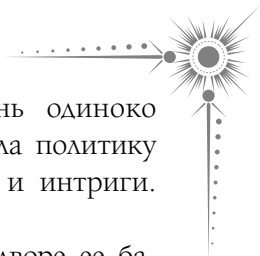
— Ты выполнял свой долг, — поспешила заверить офицера Таласин. Лишь благодаря этому человеку она воссоединилась наконец с остатками семьи. — Но что ты здесь делаешь? — В душу закрались подозрения, а вместе с ними и старая злость на Урдую, никогда не оставлявшую ее в покое. — Это моя бабка прислала тебя?

— Не сегодня. — Рапат неопределенно махнул рукой в сторону фонтана. — Ваша мать, леди Ханан, часто приходила сюда, лахис'ка. И я иногда заглядываю — вспомнить, поскорбеть.

Хотя Таласин и было немного досадно от собственных нелестных выводов о побуждениях мужчины, огорчение стремительно сменилось кипучим нервным возбуждением.

— Ты хорошо знал мою мать? Вы были друзьями?

— Ее покойному высочеству было очень одиноко в Эскайе, — ответил Рапат. — Она ненавидела политику и терпеть не могла... все эти формальности и интриги. Я был одним из немногих ее доверенных лиц.

Таласин ловила каждое слово Рапата. При дворе ее бабушки, в Куполе Небес, само имя Ханан Ивралис, кажется, было под запретом. Всякий раз, когда Таласин пыталась заговорить о прошлом, придворные меняли тему, а слуги убегали. О беседе с Элагби не шло и речи — гражданская война и смерть жены буквально выжали отца досуха. При одном лишь упоминании о чем-то подобном в его добрых глазах отражалась такая боль, что Таласин умолкала, не в силах его огорчить. Тем более что они только-только нашли друг друга.

Возможно, Рапат наконец укажет ей ту связь, которую она искала. Однако Таласин все равно смушалась.

— Ты часто бывал тогда при дворе, капитан?

Едва вопрос сорвался с губ, Таласин вспомнила, что сказал ей принц Элагби той ночью, когда они встретились в гарнизонной камере для допросов. «Янмэ Рапат хороший человек. И отличный солдат, хотя все еще немного переживает из-за того понижения в должности девятнадцать лет назад».

Рapat слабо улыбнулся и провел ладонью по коротко стриженным волосам.

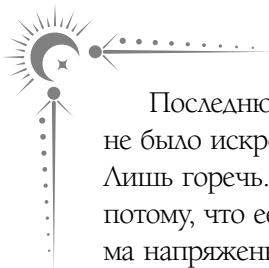
— Сейчас я капитан пограничных полков. А был генералом Хуктера, командовавшим обороной Эскайи. Моей задачей было помешать мятежникам Синтан Силима закрепиться в столице, но я потерпел неудачу.

Таласин нахмурилась.

— Однако в конечном счете мятежники все же были разбиты, не так ли?

— Благодаря вашему отцу, не мне, — ответил Рапат. — Я допустил множество тактических ошибок, которые привели к необходимости эвакуации Захия-лахис — и вашей. Именно из-за моей некомпетентности вы были потеряны для нас так надолго. И я безмерно благодарен королеве Урдуе за проявленное ею милосердие.

Последнюю фразу он произнес как-то глухо, и в глазах его не было искренности. Нет, предательства она тоже не увидела. Лишь горечь. Таласин не могла его за это винить, и не только потому, что ее собственные отношения с бабушкой стали весьма напряженными после той ссоры наутро после свадьбы.

«Плохо это — править через страх, — подумала она вдруг. — И плохо наказывать тех, кто верен тебе».

— Но я помешал вам, — проговорил Рапат. — Мне следует удалиться.

— Нет, подожди...

Таласин еще о стольком хотелось его спросить. О Ханан, о том, как ею манипулировал деверь, Синтан, заставив послать боевые корабли к Северо-Западному Континенту. Но Рапат, видимо, уже осознал, что и так разгласил слишком много информации.

— Я настаиваю, ваша светлость. Вы дочь леди Ханан. У вас куда больше прав на это место, чем у меня.

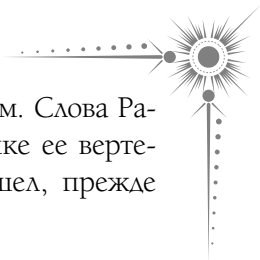
Капитан вновь отдал честь, и Таласин, с подступившим к горлу комком, осталось лишь наблюдать, как он уходит. Деревья-старички покачивались на влажном ветру.

Однако, перед тем как исчезнуть в одном из многих окаймляющих двор осыпавшихся проходов, напоминающих входы в пещеру, Рапат вдруг остановился как вкопанный и скованно обернулся. Взгляд его, обращенный на Таласин, был серьезен, проникновенен и почти горек.

— Лахис'ка... — Рапат говорил тихо, но слова его эхом отдавались среди камней, листвы и затаившейся магии, а шелест дождя и далекие раскаты грома только подчеркивали важность момента. — Я клялся Драконьему Престолу своей жизнью, службой, верностью, но не был бы другом леди Ханан, если бы не сказал вам, что между ней и королевой Урдуей не было любви. Захия-лахис негодовала из-за отказа леди Ханан именоваться ее наследницей, а леди Ханан, в свою очередь, не хотела, чтобы вас объявили таковой, пока вы не повзрослеете настолько, чтобы решать самой. Так что воспринимайте это как вам угодно.

Глава первая

Волоски на затылке Таласин поднялись дыбом. Слова Ратата прозвучали как предупреждение, и на языке ее вертелись десятки новых вопросов. Но капитан ушел, прежде чем она успела выпалить хоть какой-то из них.

Таласин повернулась, чтобы собрать вещи.

Внезапно мир перед глазами поплыл. Развалины Белиана растаяли...

...в глубоких синих водах, что скользили далеко внизу, словно с высоты птичьего полета...

...и рука, узловатая, огрубевшая с возрастом, цеплялась за зазубренный, заснеженный выступ...

В небесах опять пророкотал гром, и Таласин вздрогнула. Образы исчезли, каменный дворик вновь обрел четкость.

Что это было?

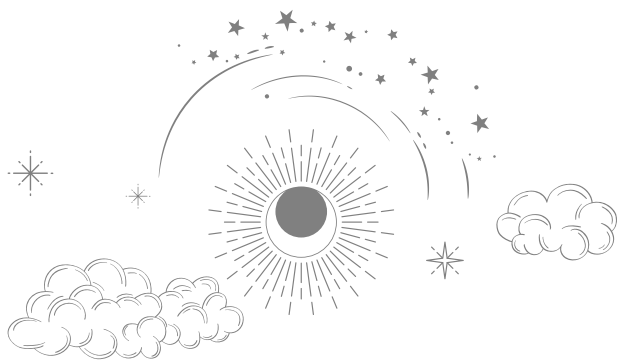
Видения посещали ее не впервые. Еще будучи рулевой в сардовийских войсках, Таласин видела ненаварских драконов и корону Урдуи. Задолго до того, как, повзрослев, узрела их воочию и узнала, кто она такая на самом деле, ей снились Эскайя, Индуза и прощающаяся мать.

Тогда она не представляла, что означают эти проблески. Не понимала смысла новых видений и сейчас.

Таласин посмотрела на сухой фонтан, чувствуя себя беспомощной и сбитой с толку. Ей хотелось остаться здесь — до тех пор, пока Просвет не активизируется снова. Тогда она сможет поискать ответы.

Но если не уйдет *сейчас*, то опоздает на встречу.

Глава вторая

Тренировочный зал огласился гортанным визгом Врат Теней, вызванных из эфирного пространства и принявших форму когтей — точнее, маленьких кривых ножей, напоминающих когти хищника; ножи эти частенько были последней надеждой кесатхских солдат в ближнем бою, когда все арбалетные болты кончились, а мечи и копья были отброшены в сторону. С когтем в каждой руке Аларик и Севраим сошлись в центре зала, разя и парируя, ежесекундно выискивая слабое место в обороне противника.

По большей части поединки с Севраимом были довольно предсказуемыми — Аларик ведь дрался с ним с детства. Сегодня, однако, долговязый смуглый легионер применил новую тактику, рассчитывая вывести соперника из равновесия, а именно: начал трепаться о жене Аларика.

— Вы сбавили темп, ваше величество, — выдохнул Севраим, проскальзывая под дугой удара Аларика. — Неужто женитьба притупила смертоносное лезвие императора Ночи?

Аларик закатил глаза. Подошва его сапога впечаталась в солнечное сплетение Севраима, отбросив мужчину на пол. Севраим, крикнув, приземлился на спину и метнул в Аларика один из ножей. Но тот с легкостью уклонился от чернильной кляксы.

И шагнул к упавшему противнику, лениво постукивая когтями латных перчаток по костяшкам. Севраим валялся

